

А. Б. СОКОЛОВ

АНГЛИЙСКИЙ ХАРАКТЕР НЕМЕЦКИЙ ТРАВЕЛОГ XVIII ВЕКА В ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

В статье поставлен вопрос о константности и/или изменчивости национального характера. Как воспринимался национальный характер англичан в конце XVIII – начале XIX в. и как такое восприятие соотносится с современными представлениями? Для анализа взглядов современников использованы некоторые труды представителей британской «моральной философии» начала XIX в. и сочинение немецкого путешественника К. Морица, посетившего Англию в 1782 г. Автор сравнивает представленные в тексте зарисовки манер, стиля общения и поведения англичан, юмора, патриотизма, кухни, одежды с выводами, содержащимися в исследовании К. Фокс (2004), выполненном в жанре «культурной этнографии».

Ключевые слова: национальный характер, образ страны, травелог, патриотический дискурс, К. Мориц, культурная этнография, К. Фокс.

Стремление раскрыть национальный характер всегда присутствовало в записках путешественников, но именно в конце XVIII в. национальный характер становится главным инструментом конструирования образа страны, что было следствием порожденного Французской революцией и национальной идеей патриотического дискурса. Авторы почти всех трудов о национальных характерах лишь повторяют источники, приводя из них разные (и даже противоположные суждения). Критерием их оценивания чаще всего служит субъективное восприятие историка.

В отечественной историографии ближе всех к теме национального характера англичан подошел Н. А. Ерофеев в известной работе «Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских 1825-1853»¹. Его новаторство состояло не только в «открытии» темы как области исследовательского интереса историков и систематическом изучении источников, до этого вызывавших лишь эпизодический интерес, но и в определении методологических сложностей, обнаруживающихся в работе с источниками такого рода. Хотя, руководствуясь стандартами советской историографии, автор акцентировал значимость трудов Маркса, Энгельса, Ленина и цитировал их, в своих выводах он, в сущности, отходит если не от буквы, то от духа марксистской интерпретации. Трудно сказать, насколько это понимал сам Ерофеев. Однако обратим внимание: некото-

---

¹ Ерофеев. 1982.

рые понятия, которые он использовал, не вполне привычны в контексте его времени, но знакомы нам по более поздним трудам. Он утверждал:

«Из сказанного ясно, что этнический образ англичанина – это вовсе не слепок с реальности, не копия ее, а сложный сплав реальности и фантазии. За сложными и густыми наслоениями вымысла подчас трудно обнаружить реальную основу. Очевидно, поразительное совпадение образа англичанина в умах многих русских людей нельзя объяснить тем, что все видели одно и то же. Главная причина заключается в том, что все наблюдатели, несмотря на существенные расхождения в политических взглядах, руководствовались общей или сходной шкалой ценностей. Их оценки определялись общим умонастроением или тем, что в науке именуется *ментальностью* (курсив мой – А. С.)»².

Нет нужды доказывать, что категорию *ментальность*, занявшую центральное место в новой культурной истории, нелегко уложить в прокрустово ложе марксистского подхода, определяющим в котором является учение о доминирующей роли экономических отношений. Рассуждая об английской нравственности, Ерофеев утверждал:

«Таким образом, многие факты (заметим попутно, что в качестве таковых он использует на самом деле суждения, как из журналов, так и из работы Энгельса – А. С.) противоречили мнению о высоком уровне английской нравственности. Это мнение не опиралось на серьезный и объективный анализ фактов – оно было произвольной *конструкцией* (курсив мой – А. С.). Из обилия различных явлений русские наблюдатели, по-видимому, отбирали только то, что соответствовало сложившимся у них представлениям, и не обращали внимания на все, что им противоречило. Задача исследователя состоит в том, чтобы выявить те априорные представления, которые направляли процесс отбора»³.

Разумеется, речь не идет о том, чтобы на основании слова «конструкция» сформулировать вывод о близости Ерофеева методологии конструктивизма. Скорее наоборот: последнее предложение из приведенной цитаты говорит о противопоставлении *наблюдателя* и *исследователя* и о способности последнего преодолеть противоречия в свидетельствах. Характерно, однако, что Ерофеев фактически считает задачу описания реального характера англичанина нереализуемой и переводит обсуждение в плоскость поиска факторов, повлиявших на позицию *наблюдателя*.

В поисках более надежного критерия для анализа такого рода исторических свидетельств, обратимся к трудам из области, называемой сейчас культурной этнографией. В основу этой статьи положено сопоставление двух очень разных, на первый взгляд, книг. В качестве основного источника избрано созданное в 1782 г. сочинение немецкого автора, Карла Филиппа Морица (1757–1793), в котором описано его пребывание

---

² Там же. С. 235.

³ Там же. С. 225.

в Англии⁴. Оно не прошло мимо внимания современников – об этом говорит и факт русского издания (1804), и такое надежное свидетельство, как «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина, находившегося в поездке по германским землям, Швейцарии, Франции и Англии в 1789–90 гг. Его сочинение свидетельствует: знаменитый русский писатель и историк не просто был знаком с книгой Морица, но и встречался с ним в Берлине, где тот занимал должность профессора в университете. Кем же был Мориц? Карамзин сообщал об этом так: «Веди меня к Морицу, – сказал я по утру наемному своему лакею. – А кто этот Мориц? – Кто? Филипп Мориц, автор, философ, педагог, психолог»⁵. Карамзин утверждал, что «имел великое почтение» к Морицу, ибо был знаком с его книгой «Антон Райзер» и считал ее «любопытной психологической книгой», в которой автор описывал «собственные свои приключения, мысли, чувства и развитие своих душевных способностей». Равными ей он считал только «Исповедь» Руссо и «Историю моей молодости» Штиллинга – три эти книги «предпочтительнее всех систематических психологий в свете». Карамзин называл Морица «одним из первых знатоков немецкого языка» и выделял его труд «О языке в психологическом отношении». Но и сочинение Морица о путешествии в Англию Карамзин читал. Он замечал: «Человеку с живым чувством и с любопытным духом трудно ужиться на одном месте; неограниченная деятельность души его требует всегда новых предметов, новой пищи. Таким образом, Мориц, накопив от профессорского дохода своего несколько луидоров, ездил в Англию, а потом в Италию собирать новые чувства». Если о путешествии по Италии «публике еще не известно», то описание первого путешествия Карамзин читал с «великим удовольствием». Морица Карамзин представлял стариком, но тот оказался молодым человеком лет тридцати. В разговоре с русским посетителем Мориц, в частности, сказал: «Ничего нет приятнее, как путешествовать. Все идеи, которые мы получаем из книг, можно назвать мертвыми в сравнении с идеями очевидца. Кто хочет видеть просвещенный народ, который посредством своего трудолюбия дошел до высочайшей степени утончения в жизни, тому надобно ехать в Англию; кто хочет иметь надежащее понятие о древних, тот должен видеть Италию»⁶. Немало страниц «Писем русского путешественника» посвящено именно Англии. Было бы интересно проследить, в чем проявилось влияние травелога Морица на травелог Карамзина, однако это не является задачей изучения в настоящей статье.

---

⁴ Путешествие Г- на Морица по Англии...

⁵ Карамзин. 1964. С. 136.

⁶ Там же. С. 136-137.

Вторая книга – это вышедшая в 2004 г. работа по культурной этнографии Кейт Фокс, ставшая бестселлером и вскоре переведенная на русский язык⁷. Методом включенного наблюдения она исследовала так называемую английскую самобытность. Эта книга дала возможность по-новому взглянуть на источник более чем двухвековой давности – ведь то, что делал Мориц, тоже своего рода «включенное наблюдение». Можно ли сказать, что результаты его наблюдения совпадают с теми, к которым пришла Фокс? Насколько успешным наблюдателем был Мориц? В этой статье ставятся два исследовательских вопроса: (1) Если мы признаем, что существуют свойства национального характера, то в какой мере они носят исторический характер, иными словами, обладали ли англичане, например, в конце XVIII века, теми же чертами национального характера, которые приписываются нашим современникам? Существует ли в этом отношении преемственность? (2) В какой степени имеющиеся источники, в частности, свидетельства путешественников-иностранцев позволяют судить о чертах национального характера англичан, насколько авторы способны «раскодировать» их?

Из книги Морица видно: сначала он находился в Лондоне, а затем совершил путешествие по стране, причем большую часть пешком, что создавало трудности, так как вызывало у многих англичан отношение к нему, как к «нищему или бездельнику». Однако для историков это стало счастливым обстоятельством: события в сочинении Морица описаны живо и конкретно, а общих, не относившихся непосредственно к его впечатлениям, рассуждений совсем немного. Кроме того, в силу особенностей своего путешествия Мориц оказался близок к народной жизни, большая часть его зарисовок относится именно к низшим классам. Книга Морица, богатая на любопытные детали, привлекла внимание не только современников, но и историков, занимавшихся социальной историей Англии, повседневностью и затрагивавших тему национального характера. На Морица ссылался известный английский историк либерального направления Дж. М. Тревельян в книге, написанной в 1939 г.⁸ Он приводил свидетельства Морица в нескольких случаях: когда речь шла о моде и одежде англичан, в частности о внешнем виде членов палаты общин; об английской кухне и привычках, связанных с приемом пищи; о привычке английского народа к чтению. Тревельян утверждал, что известный политик Чарльз Фокс ввел моду на небрежность в одежде. Он указывал на плохое питание, которое получали в трактирах люди небогатые (в отличие от богачей, тративших на еду огромные средства).

---

⁷ Фокс. 2008.

⁸ Тревельян. 1959.

К таковым относился и Мориц, «оказавшись во власти хозяек английских пансионеров, которые обращались с ним так, как слишком многие из них до сих пор обращаются со своими несчастными постояльцами»⁹. Наконец, цитата из Морица приводилась для подтверждения мысли Тревельяна о высоком уровне развития английской литературы и об интересе к ней со стороны представителей разных слоев общества. Другим известным историком, обращавшимся к тексту Морица, был К. Хибберт¹⁰. Для него текст Морица служил доказательством тезиса о сохранявшейся в конце XVIII в. ксенофобии, о манере англичан одеваться, о путешествиях в дорожной карете и о гостеприимности некоторых английских пансионеров. Нетрудно заметить, что и Тревельян, и Хибберт использовали выдержки из сочинения Морица только как иллюстрации без какой-либо попытки их критического анализа.

При работе над статьей были привлечены некоторые труды русских путешественников, в том числе те, которые использовал при подготовке «Туманного Альбиона» Н. А. Ерофеев. И все же, в основе ее именно «Путешествие» Морица. В данном случае концентрация внимания на одном источнике позволяет эффективнее использовать преимущества метода «включенного наблюдения». Для характеристики черт английского характера были также использованы и кратко цитируются некоторые сочинения самих англичан, написанные в начале XIX в., относящиеся к жанру так называемой моральной философии. Полезными были и труды историков, в которых рассматривалась жизнь англичан на рубеже XVIII–XIX вв., в основном они написаны в жанре традиционной социальной истории, сложившемся еще XIX в. У истоков этого направления стоял Д. Р. Грин. Яркий труд такого рода – упомянутая выше книга Тревельяна. К изучению повседневной жизни, быта, правил поведения англичан обращались и другие авторы, которые подчеркивали «особость» своей нации, проявлявшейся в свойствах национального характера¹¹.

Традиционная социальная история является по преимуществу историей быта и культуры¹². Марксистская историография концентрировалась, в основном, на социальных конфликтах: революциях, восстаниях, народных движениях. Новая социальная история, расцвет которой пришелся на 1970–90 гг., опираясь на социальные и структурные теории, сфокусировалась на социальной динамике. Базируясь на массовых источниках, она фактически отвергла концепцию национального харак-

⁹ Там же. С. 423.

¹⁰ *Hibbert*. 1987.

¹¹ *Ashley*. 1967; *Johnson's England*...

¹² См.: *Семенов В.Ф.* Предисловие // *Тревельян*. 1959. С. 7.

тера как ненаучную. Для новых социальных историков, с их уверенностью в принципиальной возможности объективного освещения социальных явлений, неприемлемо такого рода заключительное суждение редактора одной из книг, посвященных английской самобытности: «Справедлив ли наш обзор, правильно ли распределились свет и тени? Судить об этом будет читатель. Но это не единственное сомнение, которое чувствует автор. Есть и другая вещь. Даже если наш портрет правдив, не является ли он портретом, характеризующим Англию наших дней, или наоборот, такой, какой она была вчера, – и не меняется ли Англия такими быстрыми шагами, что уже завтра наш портрет будет лживым?»¹³ Таким образом, из всех видов социальной истории только традиционная была сосредоточена на английской «особости».

Историк Э. Баркер полвека назад задавал вопрос: подвергался ли национальный характер сдвигам или оставался постоянным?¹⁴ Баркер полагал, что на развитие характера влияли события, происходившие в истории страны: пуританизм и новая мораль, рост политической и социальной толерантности, промышленная революция и рост городов, гуманизация развлечений. Однако неизменным оставался ряд черт национальной жизни. Прежде всего, это *социальная гомогенность*: несмотря на всю разницу в положении классов, в Англии никогда не было сильного «классового чувства»; его заменяло то, что многие называли «позицией». «Позиция», которую занимает человек, является отражением его возможностей, и уважение к «позиции» демонстрировало степень уважения в английском обществе к индивидуальности. Уважения достоин тот, кто продвигается благодаря способностям, а не по праву рождения. Снобизм, являвшийся объектом социальной критики, как раз отражал стремление занять ложную, не принадлежащую тебе «позицию». Вторая черта английской жизни – это приверженность к *любителству*, сочетание строго организованного профессионального порядка с «анти-профессионализмом». Англия всегда культивировала любителство: в спорте и политике, в хозяйствовании и даже науке. Многие великие англичане, от Кромвеля до Черчилля, от Маколея до Дарвина, фактически были любителями. «“Любителство” имеет свои недостатки, особенно в мире, становящемся более сложным и многообразным, но оно дает и преимущества, оставляя пространство для забавы (юмора и даже каприза), ибо почти в каждом англичанине живет жаждущий этого мальчик», – заключал автор¹⁵. Третья константа английского характера – идея

¹³ The Character of England. P. 573.

¹⁴ Ibid. P. 558.

¹⁵ Ibid. P. 565.

джентльмена, носящая не классовый характер (по крайней мере, с XVI в.), а предписывающая особый кодекс поведения элиты. Смысл этого понятия трудно точно описать словами, но джентльмен знает, «как может поступить, и еще лучше знает, как не может поступить в любом случае»; он утончен, но иногда в глаза бросается не утонченность, а мужественность; он не стремится бросаться в глаза, но он в центре внимания. Четвертое, это *привычка к добровольному действию*. Англичанин все делает сам или в содружестве с другими такими же людьми, как он. Он не ждет ничего от «государства» и не передает свои дела на усмотрение правительству. Пятая черта национального характера – *эксцентричность*. Мнение об эксцентричности англичан разделяли многие иностранцы, говорившие о «бешеных собаках и англичанах» или, более мягко, о том, что «англичанином правит погода в его душе». Признавая, что «слухам об английской эксцентричности» есть немало подтверждений, автор вопрошал: «Являемся ли мы страной юмористов, в которой у каждого свой юмор? Не являются ли такие формы выражения способом самоутверждения, пузырями, позволяющими нам чувствовать себя в безопасности и защищенными? Нельзя ли также сказать, что предполагаемая самодостаточность, природный индивидуализм делают нашу эксцентричность выражением реальной, хотя часто бессознательной, эгоцентричности? Вряд ли это все миф. Но для большинства из нас так и остается загадкой, как страну “правильных форм” и флегматичных привычек можно одновременно рассматривать и как страну, восстающую против обычаев и канонов»¹⁶. Шестая черта – постоянное стремление сохранить свою *молодость*, как в физическом, так и в духовном смысле, кроме того, «есть постоянный интерес у тех, кто в возрасте, к молодым, почти не имеющий следов верховенства или патронажа – все поколения дружественны и равны». Наконец, особое место отводится религии: «Весь рост английских свобод связан с религиозной жизнью страны».

Если так об английском характере писали в середине XX в., то какие мнения о характере нации оставили английские авторы того времени, когда появилось интересующее нас сочинение Морица? Любопытным примером нестандартного мышления может служить книга почти забытого, к сожалению, Уильяма Бурдона. Он, в отличие от большинства авторов той эпохи, рассуждая о воспитании средствами истории, не только сомневался в пользу религии, но и утверждал: человек свободных взглядов не будет придерживаться предрассудков, проистекающих из национальных и местных корней, а будет порицать недостатки со-

---

¹⁶ Ibid. P. 569.

отечественников и друзей, как любых других людей. Он писал: «Нет более явного и вызывающего признака непросвещенности, чем несправедливое предпочтение собственной страны или прошлых времен. Греки называли всех, кроме себя, варварами, и немного найдется современных наций, которые не думают о своей стране как о высшей по сравнению с другими»¹⁷. Но рассматривая патриотизм как предубеждение сознания и воспитания, Бурдон все же смотрел на англичан как на особую нацию. Например, он замечал, что слышал от иностранцев, будто среди жителей его страны больше людей эксцентричных (чудаков, как предпочитали писать русские путешественники), чем в любой другой. Соглашаясь, Бурдон объяснял эту особенность тем, что пользуясь свободой от деспотической власти, англичанин разнообразнее проводит свое время и свободнее пользуется своей собственностью, чем кто-либо еще. Отсюда проистекает различие в характерах, обнаруживающееся во всех частях империи, но особенно в метрополии. Мы видим здесь иное объяснение эксцентричности, чем то, которое давалось в «Характере Англии». Кроме того, фактором, влиявшим на национальный характер, Бурдон считал возможность общения людей разных рангов (та самая социальная гомогенность, которая отмечалась в предыдущем примере). По его мнению, размытость социальных границ прямо влияла на характер английского народа: «Турок и русский походят один на другого почти во всем, однако трудно найти двух похожих англичан, кроме как в общих чертах их характера: любви к своей стране, храбрости, любви к свободе. Эти черты перемешиваются и дополняются многими другими качествами, но сами по себе настолько сильны, что и составляют суть национального характера»¹⁸. Если так писал «критический» писатель, неудивительно, что другие авторы были еще последовательнее в прославлении своей нации.

Такой представитель «моральной науки», как шотландец Джон Гардинер, врач по профессии, называет патриотизм среди лучших качеств человека: «Любовь к справедливости, щедрость, благодарность, дружба, патриотизм и другие добродетельные проявления сознания не могут называться страстями, ибо они горят в человеческой душе спокойным, но постоянным пламенем, и если они правильно направлены, то являются великими украшениями человека»¹⁹. Как видим, ни Бурдон, ни Гардинер не придавали патриотизму националистического оттенка,

---

¹⁷ *Burdon*. 1820. P. 136.

¹⁸ *Ibid*. P. 86.

¹⁹ *Gardiner*. 1803. P. 282-283.

тем не менее, их тексты вполне могут быть рассмотрены как «патриотические нарративы». Описание в них свойств национального характера британцев (в данном случае мы нивелируем различия, проявившиеся в отношении друг к другу у англичан и шотландцев), содержит сугубо положительные коннотации. Сочинения такого рода решали две основных задачи: социально-культурную и педагогическую; они конструировали национальную идентичность и воспитывали патриотизм. Как видим, во всяком случае, по приведенным примерам, принципиальных различий в оценках национального характера у британских авторов начала XIX и середины XX в. нет. Поэтому их невозможно рассматривать как критерий истинности при анализе сочинений авторов – не-англичан.

Убережемся, однако, от соблазна обозначить работу Кэйт Фокс модифицированным вариантом патриотического нарратива. Мы рассматриваем ее как часть научного дискурса. С травелогами дело обстоит сложнее. Возможно, что их следует интерпретировать как сочинения, прежде всего, педагогические (хоть это не единственная их функция), обращенные к своим соотечественникам (или людям мира) и призванные на примере других народов побудить к воспитанию (или к отторжению) качеств, приписываемых этим народам.

Итак, обратимся к двум главным источникам. Не имея возможности провести всесторонний анализ, ограничимся несколькими сравнениями. Начнем с погоды. Мориц много писал об английских ландшафтах и совсем немного о погоде. Тем не менее, он разделял расхожее мнение об особом характере английского климата: «Странно и вместе приятно было для меня видеть себя между одними Англичанами – между людьми, имеющими особый язык, особые нравы, *особый климат* (курсив мой – А. С.)»²⁰. Смысл этой фразы в стремлении подчеркнуть свою близость английской нации вопреки ее особенностям. Тем не менее, в ней особый климат страны представлен как данность, как само собой разумеющийся факт.

Книга К. Фокс проясняет важную вещь: англичане так много говорят о погоде, начиная с нее любой разговор, что это заставляет многих поверить: английская погода и в самом деле представляет собой нечто необычное. Еще знаменитый английский писатель и ученый С. Джонсон в середине XVIII в. заметил: «Когда встречаются два англичанина, они сначала говорят о погоде». По мнению Фокс, это наблюдение, сделанное 200 лет назад, верно и поныне. Однако «после констатации данного факта многие исследователи заходят в тупик, не находя убедитель-

---

²⁰ Путешествие Г-на Морица по Англии. Ч. 1. С. 18.

тельного объяснения “одержимости” англичан погодой. Дело в том, что они исходят из ошибочных предпосылок, полагая, что когда мы говорим о погоде, мы и впрямь делимся впечатлениями о погоде. Иными словами, по их мнению, мы говорим о погоде потому, что испытываем глубокий (прямо-таки патологический) интерес к этой теме. И тогда большинство исследователей пытается выяснить, чем же примечательна погода в Англии»²¹. Кто-то замечает, что она своеобразна тем, что в ней нет ничего поразительного; кто-то утверждает, что она любопытна постоянной изменчивостью. Однако суть дела в том, что «говоря о погоде, мы говорим вовсе не о ней». Разговор о погоде – это форма речевого этикета, призванная помочь преодолеть природную сдержанность и начать общаться по-настоящему. «“Чудесный день, вы не находите?”, “Холодновато сегодня, правда?”, “Что, дождь идет, надо же!” – это не запрос информации о метеорологических данных, а ритуальные приветствия, дежурные выражения, помогающие завязать беседу и нарушить неловкое молчание»²². А поскольку английская погода действительно переменчива, то это делает ее удобным социальным посредником. В разговоре о погоде существует правило согласия, предполагающее, что требуется соглашаться с мнением собеседника или, по крайней мере, не высказывать противоположную точку зрения прямо («Сегодня холодновато – «Да, но мне достаточно тепло»). Другое правило предполагает взгляд на погоду как на члена семьи: иностранцам не дозволено ее критиковать. Если соглашаться с Фокс, то приходится признать, что Мориц не раскрыл главный «секрет» английской погоды, однако и правила для иностранцев он не нарушил. Несмотря на «особливый климат», с англичанами он чувствовал себя так, «как будто бы воспитан был с ними с самых ранних лет».

Мориц (напомним: по мнению Карамзина, один из лучших специалистов по немецкому языку) внимательно прислушивался к тому, как говорят англичане, что скрывают языковые формы и интонации. Например, он был явно впечатлен использованием обращения *Сэр* и возвращался к этому на протяжении книги не один раз. Описывая посещение парламента, он замечал: «Все речи клонятся к лицу оратора, и потому они всегда начинаются словом *Сар*. При сем слове оратор несколько приподнимает свою шляпу, и потом опять одевает. Этот *Сар* часто служит и для того, чтобы сделать переход в речи и бывает хорошим способом, как скоро кому изменяет память, ибо между тем, как он говорит

---

²¹ Фокс. 2008. С. 35.

²² Там же. С. 36.

Сэр, и при этом несколько останавливается, имеет он некоторое время, чтобы вспомнить следующее»²³. Еще подробнее об употреблении слова *Сэр* Мориц писал на последних страницах своего труда, обобщая профессионально значимые для себя особенности английского говорения: «Слово *Sir* в английском языке имеет многообразное употребление. *Sir*, говорит англичанин своему королю, своему другу, своему врагу, своему слуге и своей собаке. *Sir* употребляется в учтивых вопросах. Парламентский ритор говорит *Sir*, желая с помощью этого слова сделать переход в таком случае, когда не находит более материи. И так, *Sir*, в вопросительном тоне значит, что Вам угодно. *Sir* в униженном тоне значит Всемилоостливейший государь, *Sir* в гордом и презрительном тоне – я дам тебе плюху. *Sir*, когда говорится к собаке, значит, что ее хотят побить».

Другое привлекшее его внимание выражение – *Never mind it*: «Ни одного выражения я не слышал здесь чаще, чем *Never mind it*. Один носильщик, оступившись, расшиб себе голову о мостовую. *Never mind it*, сказал англичанин, шедший мимо. Когда я велел свой сундук перевести с корабля на бот и матрос пробирался между лодками; то мальчик его, стоявший впереди, получал сильные удары, потому что другие не хотели его пропустить. *Never mind it!* говорил старик, продолжая гресть»²⁴. В этих наблюдениях Мориц прикоснулся к области, которая носит в наше время название социолингвистика. Также чувствуется, что в наблюдаемых им языковых явлениях Мориц видел особенности национального характера англичан, хотя прямо не артикулировал их.

Никакой разговор об «английскости» не обходится без обсуждения английского юмора. Понимал ли его Мориц? У него нет прямых оценок юмора англичан, но есть эпизоды, позволяющие пролить свет на этот вопрос. Как поясняет Фокс, главная черта английского юмора – в ценности, которая ему придается. Почти никогда разговоры англичан не обходятся без подтрунивания, поддразнивания, иронии, уничижительных замечаний, шуточного самобичевания или просто глупых высказываний. В Англии в основе всех форм светского общения лежит скрытое правило, согласно которому запрещено проявлять излишнюю серьезность. Юмор становится способом провести грань между серьезностью и выспренностью. Многих иностранцев это приводит в замешательство. Одно из правил английского юмора Фокс назвала правилом самоуничтожения, поощряющим самоиронию: «Как бы поощряется демонстрация скромности. Это скрытый юмор, зачастую почти неуловимый. Умалая

²³ Путешествие Г-на Морица. Ч. 1. С. 75.

²⁴ Там же. Ч. 2. С. 165-166.

собственное достоинство, мы подразумеваем противоположное, мы высоко ценим человека, который принижает себя. Проблемы возникают, когда англичане следуют этому правилу в разговоре с представителями других культур, которые не способны оценить иронию и принимают наши самоуничижительные заявления за чистую монету»²⁵. В соответствии с этим правилом можно интерпретировать эпизод из книги Морица с описанием церковной службы в маленькой деревне и осмотром церкви: «Некоторые из солдат, хотевшие показаться вольнодумцами, присоединились ко мне, когда я осматривал церковь. Казалось, что они даже стыдились ее, говоря: какая жалкая церковь. Тут осмелился я поучить их, что никакая церковь не может называться жалкою, если она заключает в себе честных и благоразумных людей»²⁶. Представляется, что здесь перед нами случай непонимания особенностей английского юмора: англичанин просто пошутил по правилу так называемого преуменьшения, являющегося формой иронии. Мориц, будучи иностранцем, да еще лицом духовным, просто не мог принять предложенной англичанином иронии.

А вот в другом случае Мориц со своим собеседником-немцем «ухватили» момент юмора – таких эпизодов в книге немного. Речь идет о посещении одной из лондонских достопримечательностей, парка развлечений, так называемого Воксала. Немцы были удивлены «наглостью и бесстыдством здешних *непотребных* женщин. Они подходили к нам целыми дюжинами вместе со своими начальницами, которые самым бесстыдным образом требовали одну рюмку за другою для себя и своей свиты, в чем им никто и не отказывал». Тут произошло следующее: «один англичанин пробежал мимо нас чрезвычайно скоро. Некто из его знакомых спросил его, куда он идет. I have lost my Girl (я потерял свою красавицу) – отвечал он таким комически-важным тоном, который всех нас заставил смеяться. Казалось, что он искал свою красавицу так, как будто перчатку или палку, которые он где-нибудь оставил»²⁷. В данном случае юмор строился по правилу самоуничижения, требующему демонстрации показной скромности, которая никак не вязалась с присутствием «красавиц» – «непотребных женщин». Память Морица сохранила «комически-важный» вид англичанина, одного из «чудаков», или эксцентриков, которыми богата, судя по травелогам, Англия.

Что еще показалось Морицу смешным? Вот как он описывал посещение парламента: «Чрезвычайно удивили меня явные оскорбления и грубости, которые парламентские члены делали друг другу; например,

²⁵ Фокс. 2008. С. 90.

²⁶ Путешествие Г-на Морица. Ч.2. С. 25.

²⁷ Там же. Ч. 1. С. 51.

когда один переставал говорить, то другой начинал непосредственно: it is quite absurd и так далее, то есть совершенную нелепость предлагал сей right honourable Gentleman (т.е. почтенный господин) – название, которым члены парламента друг друга титулуют. Никто не смеет сказать другому прямо в лицо: ты говоришь глупо, но обыкновенно делают обращение к оратору и говорят: этот почтенный господин говорил очень глупо. *Смешно смотреть* (курсив мой – А. С.), как один говорит, а другой делает за него жесты. Этот пример видел я на одном пожилом почтенном гражданине, который сам не отваживался говорить; но между тем, как говорил его сосед, он означал всякую важную мысль самыми выразительными жестами, причем все его тело приходило в движение»²⁸. Эти примеры показывают: смешным Морицу казалось то, что не вписывалось в его представления о правильных проявлениях коммуникации, в том числе политической. Наоборот, не телесные, а словесные проявления юмора, по-видимому, не оценивались в должной мере.

Насколько изменились за два века правила поведения в питейных заведениях? В силу особенностей своего путешествия Мориц многократно останавливался в разных сельских трактирах, чтобы получить пищу и ночлег, и этот опыт не всегда был для него приятным. Недаром, однажды получив отказ в ночлеге, он предался мыслям о «всех тех неприятностях, которые испытал я уже в сих местах, и я не мог скрыть в себе негодования в рассуждении негостеприимчивости англичан, но сие негодование скоро укротилось, когда идучи далее, вспомнил я все те случаи, где был принят ласково»²⁹. Хорошие воспоминания остались у него о трактире «Медведь», хозяин которого «ревел, как медведь, на своих людей». Мориц так описывал это посещение: «Сперва не ожидал я от него хорошего приема; однакож попробовал смягчить его и два раза выпил за его здоровье. Это средство помогло мне: он скоро сделался очень ласков и говорлив, и мы вступили с ним в разговор. Сию выдумку занял я у Вакефильдского Священника, который таким же образом делает хозяев своих ласковыми, заставляя их пить вместе с собою»³⁰. Такое угощение настолько обрадовало хозяина, что он стал называть Морица сэром: «Я вижу, говорил он, что Вы благородный человек», и разговор вскоре перешел на политику. Трактирщик долго говорил о своем любимом короле Георге II, а вот Георг III «не удостоился его благосклонности». Он также много расспрашивал о прусском короле, и под конец поинтересовался, играет ли его гость на валторне. Выяснилось,

²⁸ Путешествие Г-на Морица. Ч. 1. С. 80-81.

²⁹ Там же. Ч. 2. С. 137-138.

³⁰ Там же. С. 72-73.

что когда он был мальчиком, в доме его родителей останавливался какой-то немец, игравший на этом инструменте. С тех пор он считал, что игра на валторне – отличительное качество всех немцев.

В другом трактире Морица приняли совсем иначе: «Кухня была набита мужиками, и я не мог распознать между ними хозяина, а то бы тотчас выпил за его здоровье. Тут я услышал, что одна девушка за всяким стаканом говорила: *your Health, gentlemen all!* (т.е. за здоровье всех вас, Господа!). Не знаю, как я забыл таким же образом выпить за здоровье всей компании, что принято было очень дурно. Хозяин с язвительной миной выпил два раза за мое здоровье, как будто бы желая пристыдить меня за мою неучтивость, потом начал смеяться надо мною вместе с другими мужиками, которые почти пальцами на меня указывали. Таким образом я должен был несколько времени служить посмеянием для низкой черни». Позже хозяин прекратил насмешки, «но когда я хотел выпить за его здоровье, он не согласился на это, и сказал мне колко, чтобы я сидел у камина и грелся, не заботясь о большом свете. Хозяйка сжалилась надо мною, повела меня из кухни в другую комнату, и оставляя одного, сказала: какой безбожной народ!»³¹. В обеих описанных Морицем ситуациях обнаруживается правило, названное Фокс «И себе нальете бокал?». Сегодня в английских пабах не принято давать на чай хозяину заведения или обслуживающему персоналу: «Вместо чаевых их обычно угощают напитками. Дать персоналу на чай – значит, в грубой форме напомнить им, что они являются прислугой, а угостив их напитком, Вы подчеркнете, что относитесь к ним, как к равным. В правилах, определяющих, как следует угощать напитками, находят отражение и принципы эгалитарной вежливости, и присущая англичанам щепетильность в отношении денег»³². Английская вежливость, к которой имеет отношение описанное правило, по словам Фокс, лицемерна, поскольку признана опровергнуть или замаскировать существование классовых различий, которые англичане чувствуют особенно остро. «Бесчисленные “пожалуйста” – это приказы и распоряжения в форме просьб, бесчисленные “спасибо” создают иллюзию товарищеского равенства; ритуал “И себе нальете бокальчик?” – это коллективный самообман: мы все делаем вид, что покупка напитков в пабе никак не связана с такими вульгарными вещами, как “деньги”, и с такими унижительными, как “обслуживание”», – разъясняла Фокс. Но можно ли считать это лицемерием? В каком-то смысле да, поскольку присутствует элемент обмана и маскировки, создается видимость гармонии и ра-

³¹ Там же. С. 77-79.

³² Фокс. 2008. С. 119-120.

венства, скрывающая иную социальную реальность. Но это только одна сторона: «Наша обходительность – это вовсе не отражение наших искренних подлинных убеждений, но и не циничные расчетливые попытки обмануть. Возможно, нам и впрямь необходимо, чтобы наш вежливый эгалитаризм защищал нас от самих себя, не допускал, чтобы наша острая восприимчивость к классовым различиям выражалась в менее пристойной форме»³³. Как бы то ни было, не приходится сомневаться: Мориц вполне осознал значение обычая угощения и по возможности старался его использовать в собственных интересах.

Необходимость останавливаться в сельских трактирах – приют людей низших классов – ставила немецкого путешественника в ситуацию встреч с людьми грубыми, невоспитанными и даже опасными. Во всяком случае, он так воспринимал их, особенно если они находились под воздействием алкоголя. Недалеко от Ноттингема Мориц остановился на ночлег в трактире для матросов: «Никогда не видел я таких суровых и грубых людей, как сии матросы, которых и нашел я тут в кухне и с которыми должен был проводить целой вечер. Голос их, платье и вид – все было грубо и страшно, но их выражения были еще грубее. Ни одного слова не говорили они, не прибавив *God Damn Me*. Их клятвы, божба и брань продолжались безпрерывно. Впрочем, ни один из них ничем не оскорбил меня, и все пили за мое здоровье. Я не забыл также со своей стороны пить их здоровье, ибо в свежей моей памяти имел поступок прежнего моего хозяина в Матлокском трактире. И так всякий раз, наливши стакан, говорил я: *Your Health Gentlemen all!* (т.е. ваше здоровье, господа!)». Это воспоминание подвело Морица к более общему суждению: «Когда двое англичан бранятся между собой, то все тут, кажется, состоит более на деле, чем на словах. Они говорят мало и несколько раз повторяют сказанное, прибавляя *God Damn You*. Гнев их кипит внутри и скоро обнаруживается на самом деле». Любопытно наблюдение немца: «Несмотря на все это (т.е. на недостойное поведение гостей), хозяйка бывшая также в числе сей компании в кухне, старалась важничать и играть знатную роль (тоже форма эгалитарной вежливости? – А. С.). Наконец, отужинав, Мориц «спешил скорее в постелю, но сон мой был прерываем неистовым шумом матросов, которые почти ночь не умолкали»³⁴. Конечно, матросы не относились к respectable части общества, но Мориц, возможно, воспринимал бы происходившее несколько иначе, если бы знал, что Фокс напишет через двести лет: «Ритуал обмена комплиментами – чисто английская особенность, причем он

---

³³ Там же. С. 122-123.

³⁴ Путешествие Г-на Морица. Ч. 2. С. 138-140.

характерен исключительно для женщин... Англичане мужчины поддерживают взаимодействие другими способами, которые на первый взгляд диаметрально противоположны ритуалу обмена комплиментами. Если англичанки захваливают друг друга, то мужчины-англичане, напротив, стараются принизить один другого. Их соревновательный ритуал я называю: “У меня лучше, чем у тебя”... В таких спорах мужчины иногда переходят на крик, бранятся, обзывают друг друга, и тем не менее в основе игры “у меня лучше, чем у тебя” лежат благодушие, дружелюбный настрой и скрытый юмор – понимание, что несходство мнений не стоит принимать слишком серьезно. Сквернословие, насмешки, оскорбления дозволительны, даже ожидаемы, но хлопанье дверью в порыве гнева или любое другое проявление *настоящих* чувств категорически запрещено³⁵. Так не принимал ли Мориц ошибочно внешние проявления за подлинную враждебность? Смог ли он правильно интерпретировать формы коммуникации в компании, в которой оказался?

Конечно, Мориц оставил свидетельства и об английской кухне. Мягко говоря, путешественник не был ею восхищен: «Мне подали кусок холодной говядины и салату. Говядина или яйца и салат составляют обыкновенный мой обед и ужин во всех трактирах, где я ни останавливаюсь. Редко подают мне что-нибудь горячее. Салат приготавливаю я сам, как это сие здесь обыкновенно делается; для чего получаю все нужное»³⁶. А вот другое описание: «Прекрасный белый хлеб с коровьим маслом и Честерским сыром награждают меня за умеренный мой обед, который обыкновенно состоит из куска полусваренной или полусжаренной говядины и из нескольких, в одной воде сваренных зеленых капустных листьев, на которые льют суп из муки и масла, что почитается в Англии обыкновенным способом приготавливать зелень. Ломти с маслом, которые подают к чаю бывают тонки, как маковый лист. Здесь употребляют особый прекрасный способ жарить сии ломти на огне. Взоткнувши на вилку, держать ломоть над огнем до тех пор, пока масло не войдет внутрь, после чего кладут другой, потом третий и так далее, так что масло проходит насквозь целый слой таких ломтей – это называется тост»³⁷. Именно эти слова Морица напомнили Тревельяну знаменитую фразу Вольтера: у англичан сто религий и только один соус.

По мнению Фокс в жизни англичан еда – не главное, как у других народов, наоборот, острый интерес к еде расценивается в лучшем случае как странность, в худшем как нравственное извращение, нечто непри-

³⁵ Фокс. 2008. С. 72-73.

³⁶ Путешествие Г-на Морица. Ч. 2. С. 136.

³⁷ Там же. Ч. 1 С. 37.

личное, неправильное. «Наши взаимоотношения с едой и кулинарным искусством больше похожи на не очень счастливое сожительство без взаимных обязательств». Хотя социальный статус определяет, что вы едите, а также когда, с кем и каким образом, есть и общие пристрастия. Англичане всех классов убеждены, что чай обладает чудодейственными свойствами, а главное, «приготовление чая – прекрасный защитный механизм: когда англичане чувствуют себя неловко или испытывают неудобство в социальной ситуации (а это для них почти перманентное состояние), они заваривают и разливают чай». И далее: «А еще мы любим тосты, тост – основной продукт завтрака, универсальная удобная пища на все случаи жизни. То, что не излечит один чай, чай с тостом исцелит непременно»³⁸. Судить по тостам о классовой принадлежности бесполезно: тосты любят все. А вот то, что мажется на тост, может дать представление о социальном статусе. Средний и высший классы считают маргарин пищей простолюдинов, а сами используют сливочное масло. Во времена Морица маргарина и тостеров еще не было, и большее внимание он уделил, не чаю, а кофейням, в которых «царствует глубокая тишина, всякой говорит тихонько со своим соседом, большая часть читает газеты и никто не смеет мешать другому»³⁹. Однако и тогда тосты с маслом уже были «особливым прекрасным» кушаньем.

Путешествуя, Мориц продвигался не только пешком, но часть пути проделал в пассажирских каретах. Описание этих поездок, содержание разговоров, которые он слышал и в которых участвовал, многое дают для понимания английской повседневности XVIII века и ментальности англичан. Приведем, однако, только два высказывания. Первое отражает его удивление способом поездки: «В Англии есть очень странный способ ехать не в коляске, но на коляске, а именно: люди низкого состояния или которые не могут заплатить много, ездят не внутри, а на верху коляски, и хотя на ней нет перил и мест, однакож они сидят свободно, свесив ноги вниз... Кто умеет держаться в равновесии на верху коляски, тот сидит спокойно, и летом, в ясные дни едет с большим почти удовольствием, чем тот, кто сидит внутри. Жаль иногда очень беспокоит, между тем как внутри можно закрыть окошки, когда угодно»⁴⁰. Почему Мориц говорит, что компания наверху неинтересна? То ли это люди не его круга, то ли путешественники предпочитают молчать? Другое высказывание немецкого автора позволяет сделать предположение

---

³⁸ Фокс. 2008. С. 376.

³⁹ Путешествие Г-на Морица. Ч. 1. С. 129.

⁴⁰ Там же. С. 153-154.

на этот счет, хорошо иллюстрируя правила поведения в пути. Так, Мориц ехал в коляске с офицером, а верх ее был занят женщинами и солдатами: «Я чувствовал несколько боль в голове и потому играл перед своим товарищем роль Мизантропа, которая ему, так как Англичанину, была бы, конечно, приличнее. Но тут случилось наоборот. Несколько раз начинал он со мною говорить очень ласково. После он признался, что сия мнимая молчаливость еще более привязала его ко мне»⁴¹. Как видим, именно молчание Морица импонировало его товарищу по поездке, да и сам автор вполне осознавал, что английская традиция не предполагала болтливости в такой ситуации.

Характеризуя правила поведения в пути, Фокс разъясняет: «Наш главный механизм преодоления скованности в общественном транспорте – это вариант того, что психологи называют «отрицанием»: мы стараемся не признавать, что находимся в пугающей толпе незнакомцев, и, замыкаясь в себе, делаем вид, что их не существует, – и большую часть времени делаем вид, что сами мы тоже не существуем. Правило отрицания требует, чтобы мы не заговаривали с незнакомыми людьми, даже не встречались с ними взглядами и вообще никоим образом не признавали их присутствия, пока к тому не принудит нас крайняя необходимость»⁴². По мнению Фокс, иностранцам не свойственны присущие англичанам страхи (что ты не алкоголик или псих, если заговорил), скованность и мания скрытности, поэтому они с удовольствием вступают в непринужденный разговор. Мориц замечал, что англичанам не свойственна болтливость: «Ответы и выражения здешнего простого народа несколько уже приводили меня в удивление своею краткостью и значительностью. Когда я приехал назад со своим извозчиком, то хозяйка моя советовала не брать с меня лишнего, потому что я чужестранец. “Да если б он был и не чужестранцем, я бы не взял с него ничего лишнего”»⁴³.

В заключение стоит сказать о патриотизме, понимавшемся многими авторами travelогов как национальная черта англичан. Мориц, безусловно, относился к их числу. Однако он видел истоки патриотизма в самой английской жизни, а не в поклонении монарху и не в муштре: «Видя как здесь самой последней работник оказывает свое участие во всех происшествиях, как малые дети входят уже в дух народа, как всякой обнаруживает свое чувство, что он человек и англичанин, так же, как король и его министр, видя все это, находишь в себе чувства, совершенно отличные от тех, с которыми смотрим мы в Берлине на уче-

⁴¹ Там же. Ч. 2. С. 54.

⁴² Фокс. 2008. С. 168.

⁴³ Путешествие Г-на Морица. Ч. 1. С. 27-28.

ние солдат»⁴⁴. Чувства любви к отечеству рождается в детстве и разделяется людьми всех сословий: «Здесь всякой, даже из самого низкого состояния людей, беспрестанно твердит имя отечества, между тем как у нас употребляют его одни стихотворцы. Последнюю каплю крови пролью за свое отечество! – говорит часто маленький наш Джекки, мальчик, которому только двенадцать лет от роду. Патриотизм и воинская храбрость есть обыкновенное содержание всех баллад и народных песен, которые женщины поют здесь на улицах, и которые всегда можно купить за несколько пенсов»⁴⁵. Однако любовь к отечеству не есть восхваление монархии или власти вообще. Скорее наоборот: многие англичане презрительно относятся к своему королю. Выше уже упоминался трактирщик, противопоставлявший Георга III его деду Георгу II. Мориц свидетельствовал: «Неуважение народа к королю простирается здесь очень далеко: сколько раз слышал я тут: *Our King is a Blockhead!* т.е. наш король суший болван; но между тем в то же самое время Прусского Короля превозносят до небес похвалами. “У сего последнего, говорят мне, голова мала, но ума в ней во сто раз более, нежели в большой голове Английского короля”».⁴⁶ Такие оценки отражают отношение англичан к своей монархии (престиж которой был невелик, тем более, когда она терпела поражения в Америке), а не являются простым противопоставлением качеств Георга III и Фридриха II, которого уже при жизни называли Великим. В словах Морица прослеживается завуалированная критика прусской монархии: недаром англичане удивляются «великому числу солдат, которых он (пруссский король) при себе держит, так что в одном Берлине их находится столь великое множество», а в лондонском Сити «ни одна рота королевской гвардии не смеет показаться».

Если верить книге Фокс, то англичанам чужда «пылкость и помпезная выпренность», которая «бьет через край» у многих наций, когда речь заходит о патриотизме. Не в этом ли одна из причин, что англичане и в конце XVIII века называли своего короля «болваном»? Фокс говорит о том, что англичане, как правило, «изумляются легковёрности ликующих толп, покупающихся на подобную высокопарную чушь», произносимую, в частности, американскими политиками. Англичане чувствуют неловкость, когда политики произносят «постыдные банальности смехотворно пафосным тоном». Она пишет: «С таким же неприятием и презрением мы воспринимаем сентиментальный патриотизм вождей и напыщенную серьёзность писателей, художников, артистов, музыкан-

---

⁴⁴ Там же. С. 88-89.

⁴⁵ Там же. С. 90.

⁴⁶ Там же. С. 91-92.

тов, ученых мужей и других общественных деятелей всех национальностей, ведь англичане за двадцать шагов чувят малейший намек на важничанье, они способны уловить его даже на зернистом изображении телеэкрана или в иностранной речи, которую совсем не понимают»⁴⁷.

Конечно, в статье затронуты далеко не все связанные с английской самобытностью темы, которых касался Мориц. За пределами внимания остались, например, отношение англичан к одежде, алкоголю, восприятие ими детей и детства, религии. Почти не затронута отношение их к политическим институтам. Однако и приведенные примеры позволяют провести невидимую черту, не разъединяющую, а соединяющую две разные эпохи. Хотя и с осторожностью, но можно говорить, о некоей исторической составляющей, о преемственности, присутствующей вопреки материальным, социальным и культурным сдвигам, произошедшим более чем за два века. Есть и другая сторона: взгляд из сегодняшнего дня, использование материалов культурной этнографии помогает лучше понять, что скрывается в тексте путешественника XVIII века.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ерофеев Н. А.* Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских 1825 – 1853. М., 1982.
- Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника // Карамзин Н.М. Избр. соч. Т. 1. М.-Л., 1964.
- Путешествие Г- на Морица по Англии. В письмах. М., 1804.
- Тревельян Дж. М.* Социальная история Англии. М., 1959.
- Фокс К.* Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения. М., 2008.
- Ashley M.* Life in Stuart England. L., 1967.
- Burdon W.* Materials For Thinking. V. I. L., 1820.
- The Character of England / Ed. by E. Barker. Oxford, 1947.
- Gardiner J.* Essays, Literary, Political and Economical. V. I. Edinburgh, 1803.
- Hibbert Chr.* The English. A Social History 1066–1945. L., 1987 (1st ed. 1971).
- Johnson's England. An Account of Life and Manners of His Age / Ed. by A. S. Turberville. Oxford. 1933.

Соколов Андрей Борисович, доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Ярославского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского; *sokolov_1457@mail.ru*

---

⁴⁷ Фокс. Указ. соч. С. 81.